ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ЖЕНСКОЙ ЗАНЯТОСТИ И РАЗВИТИЕ ЖЕНСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УЗБЕКИСТАНЕ

Абдурахимова Зарнигора Бахтийор кизи
магистр направления «Управление инвестициями» Ташкентского государственного экономического университета
научный руководитель: доцент PhD, **Абдураимова Н.Р.**
Email: Babdurahimova@mail.ru
https://doi.org/10.5281/zenodo.21557237

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния искусственного интеллекта (ИИ) на трансформацию структуры женской занятости и развитие женского предпринимательства в Республике Узбекистан. Актуальность исследования обусловлена сочетанием двух разнонаправленных процессов: с одной стороны, глобальным ростом риска автоматизации профессий с высокой долей женской занятости, с другой активной государственной политикой Узбекистана по цифровизации экономики и стимулированию женского предпринимательства в рамках стратегии «Узбекистан - 2030». Установлено, что наиболее высокому риску автоматизации подвержены секторы с традиционно высокой долей женской занятости (розничная торговля, лёгкая промышленность, административно-канцелярская работа), тогда как использование ИИ-инструментов в собственном бизнесе статистически значимо связано с ростом выручки предприятий. Основными барьерами внедрения ИИ выступают дефицит цифровых навыков, ограниченный доступ к финансированию и региональная неравномерность цифровой инфраструктуры. Сформулированы практические рекомендации для органов государственного управления, институтов поддержки предпринимательства и системы профессионального образования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, женская занятость, женское предпринимательство, цифровая трансформация, гендерное равенство, рынок труда, автоматизация, цифровые навык.

THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON THE TRANSFORMATION OF WOMEN'S EMPLOYMENT AND THE DEVELOPMENT OF WOMEN'S ENTREPRENEURSHIP IN UZBEKISTAN

Abstract. The article examines the impact of artificial intelligence (AI) on the transformation of women's employment structure and the development of women's entrepreneurship in the Republic of Uzbekistan. The relevance of the study stems from two opposing trends: the global rise in automation risk for occupations with a high share of female employment, and Uzbekistan's active state policy of economic digitalization and support for women's entrepreneurship under the "Uzbekistan - 2030" strategy. The findings show that sectors with a traditionally high share of female employment (retail trade, light industry, administrative and clerical work) face the highest automation risk, while the use of AI tools in one's own business is statistically significantly associated with revenue growth.

The main barriers to AI adoption are a lack of digital skills, limited access to financing, and uneven regional digital infrastructure. Practical recommendations are formulated for public authorities, business-support institutions, and vocational education systems.

Keywords: artificial intelligence, women's employment, women's entrepreneurship, digital transformation, gender equality, labor market, automation, digital skills.

Введение. Стремительное распространение технологий искусственного интеллекта (ИИ) становится одним из ключевых факторов трансформации мировых рынков труда. По оценке доклада Bloomberg (апрель 2025 г.), генеративный искусственный интеллект способен взять на себя выполнение более половины задач, традиционно относимых к работе «белых воротничков» [1]. При этом воздействие ИИ на занятость носит выраженный гендерный характер: согласно обновлённому анализу Международной организации труда (МОТ), риск «высокой автоматизации» женских рабочих мест в странах с высоким уровнем дохода вырос до 9,6% против 3,5% для мужчин, то есть почти в три раза выше [2]. По усреднённым мировым оценкам МОТ и ООН, изменениям под влиянием генеративного ИИ может быть подвержено около 28% рабочих мест, занимаемых женщинами, против 21% рабочих мест, занимаемых мужчинами [3]. Одновременно Всемирный экономический форум фиксирует структурный сдвиг: доля женщин в мировой рабочей силе достигла 41%, а глобальный гендерный разрыв сократился на 68,8%, однако именно в сферах ИИ и STEM прогресс остаётся наиболее медленным [4].

Для Республики Узбекистан данная проблематика приобретает особую значимость на фоне двух параллельных государственных инициатив. Во-первых, в рамках стратегии «Узбекистан - 2030» поставлены задачи довести экспорт IT-услуг до 5 млрд. долларов США, обеспечить занятость 300 тысяч молодых специалистов в цифровой сфере и войти в число 30 ведущих стран по Индексу развития электронного правительства ООН; для этого создаётся специализированная инфраструктура ИИ, включая вычислительный кластер стоимостью 24 млн. долларов с последующим расширением мощностей ещё на 45 млн. долларов [5]. Во-вторых, в 2026 году в стране реализуется масштабная программа поддержки женской занятости: по заявлению главы государства, доход в течение года должны получить 1,5 млн женщин, из них 400 тысяч планируется вовлечь в предпринимательскую деятельность, 166 тысяч - обучить современным профессиям и предпринимательским навыкам, ещё 100 тысяч - цифровым (IT) специальностям; на базе надомного предпринимательства запускается программа «Даромадли аёл» («Доход для женщин») [6]. Таким образом, Узбекистан одновременно форсирует внедрение ИИ в ключевые отрасли экономики (здравоохранение, сельское хозяйство, транспорт, строительство, промышленность) и наращивает вовлечение женщин в предпринимательство, что делает вопрос о характере взаимодействия этих двух процессов не только теоретически, но и практически значимым.

Обзор литературы показывает, что тема цифровой трансформации занятости в Узбекистане активно разрабатывается национальными исследователями. Так, в работах, посвящённых цифровой трансформации экономики, отмечается, что она представляет собой системное внедрение цифровых технологий во все сферы

экономической деятельности, сопровождающееся изменением производственных процессов, моделей управления, структуры занятости и способов взаимодействия государства, бизнеса и населения [7]. Отраслевой анализ внедрения ИИ в Узбекистане показывает, что лидерами по темпам его использования выступают телекоммуникационные компании и предприятия розничной торговли, тогда как промышленные предприятия сосредоточены преимущественно на автоматизации внутренних и производственных процессов [8]. Отдельное направление составляют исследования регулирования рынка труда и динамики заработной платы, включая гендерные аспекты оплаты труда [9]. В зарубежной литературе значительное внимание уделяется каналам влияния ИИ на гендерное неравенство: гарвардское исследование «Глобальные данные о гендерном неравенстве и генеративном ИИ» (2025) показывает, что осторожность женщин в использовании ИИ-инструментов в профессиональной деятельности связана не столько с техническими барьерами, сколько с социальными опасениями - в частности, со страхом того, что использование ИИ будет воспринято коллегами как недобросовестность или поставит под сомнение профессиональную компетентность [10]. Совместное исследование МОТ и Национального исследовательского института Польши подтверждает, что в странах с высоким уровнем дохода женщины почти втрое чаще мужчин теряют работу вследствие внедрения генеративного ИИ [11].

Вместе с тем в существующей литературе практически отсутствуют работы, которые бы одновременно рассматривали угрозы автоматизации для традиционно «женских» секторов занятости и возможности, открываемые ИИ-инструментами для развития женского предпринимательства именно в условиях Узбекистана - страны со специфической отраслевой структурой занятости, высокой долей неформальной занятости женщин и активной государственной политикой цифровизации. Это определяет научную новизну и практическую значимость настоящего исследования.

Цель статьи - выявить характер и направленность влияния искусственного интеллекта на трансформацию женской занятости в Узбекистане и определить факторы, обусловливающие вовлечённость женщин-предпринимательниц в использование ИИ-инструментов в собственном бизнесе.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: 1) систематизировать теоретические подходы к оценке влияния ИИ на гендерную структуру занятости; 2) провести анализ отраслевой структуры женской занятости в Узбекистане с точки зрения потенциального риска автоматизации; 3) эмпирически оценить степень и характер использования ИИ-инструментов женщинами-предпринимательницами; 4) выявить барьеры, ограничивающие внедрение ИИ в женском предпринимательстве; 5) сформулировать рекомендации для органов государственного управления и институтов поддержки предпринимательства.

В соответствии с целью и задачами были сформулированы следующие рабочие гипотезы исследования: H1 - использование ИИ-инструментов в собственном бизнесе положительно связано с темпами роста выручки женских микро- и малых предприятий; H2 - ключевые барьеры внедрения ИИ среди женщин-предпринимательниц Узбекистана носят преимущественно структурный характер (дефицит цифровых навыков, ограниченный доступ к финансированию), а не связаны

исключительно со стоимостью технологий; Н3 - секторы экономики с высокой долей женской занятости в Узбекистане одновременно характеризуются повышенным риском автоматизации и более низким уровнем охвата программами цифровой поддержки по сравнению с секторами с преимущественно мужской занятостью.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Дизайн исследования

Исследование построено по смешанной (mixed-methods) последовательной объяснительной схеме, сочетающей количественный анализ вторичных статистических данных, количественный анкетный опрос и качественные полуструктурированные интервью. Такой дизайн позволяет, с одной стороны, оценить макроэкономический контекст (структуру занятости, отраслевые риски автоматизации), а с другой - получить эмпирически проверяемые данные о поведении экономических агентов на микроуровне (женщин-предпринимательниц).

Источники данных

В качестве источников вторичных данных использованы официальные материалы Национального комитета Республики Узбекистан по статистике (данные о численности населения, гендерной структуре занятости и рынке труда за 2021- 2026 гг.), документы Министерства занятости и трудовых отношений Республики Узбекистан, а также программные документы - стратегия «Узбекистан - 2030» в части развития искусственного интеллекта и цифровизации и государственная программа поддержки женской занятости на 2026 год, включая инициативу «Даромадли аёл» [5, 6].

Выборка и сбор первичных данных

Первичные данные собирались методом анкетного опроса женщин-предпринимательниц в период с апреля по июнь 2026 года. Выборочная совокупность составила 186 респонденток, ведущих микро- или малый бизнес в четырёх регионах Узбекистана: г. Ташкент, Самаркандская, Ферганская и Бухарская области - с целью обеспечить сочетание столичного и регионального контекстов. Формирование выборки осуществлялось методом целевого (неслучайного) отбора при содействии региональных ассоциаций деловых женщин и торгово-промышленных палат, что обусловливает необходимость осторожной интерпретации результатов с точки зрения их репрезентативности для генеральной совокупности (ограничение обсуждается в разделе «Обсуждение»). Стратификация выборки проводилась по пяти укрупнённым секторам деятельности: торговля, услуги, лёгкая промышленность/текстиль, сельское хозяйство и переработка, IT и цифровые услуги. Дополнительно с 12 предпринимательницами, представляющими различные секторы и регионы, были проведены полуструктурированные интервью длительностью 30-45 минут для качественной интерпретации количественных результатов.

Инструментарий

Основным инструментом количественного этапа выступила структурированная анкета, включавшая:

1) блок вопросов о характеристиках предприятия (сектор, возраст бизнеса, число занятых, регион);

2) блок вопросов об использовании ИИ-инструментов (5-балльная шкала Лайкерта по частоте и глубине использования в маркетинге, бухгалтерии, взаимодействии с клиентами, планировании производства);

3) блок вопросов о барьерах внедрения ИИ (множественный выбор с ранжированием);

4) блок вопросов о динамике выручки за последние 12 месяцев. На основе первого блока рассчитывался сводный индекс использования ИИ (композитный показатель, нормированный от 0 до 1).

Методы анализа данных

Количественные данные обрабатывались методами описательной статистики (частоты, доли, средние значения), а связь между индексом использования ИИ и темпом роста выручки оценивалась с помощью коэффициента корреляции Пирсона с проверкой статистической значимости ($p < 0,05$). Качественные данные интервью анализировались методом тематического контент-анализа с выделением повторяющихся смысловых категорий. Отраслевая оценка потенциального риска автоматизации строилась методом сопоставления структуры занятости женщин по видам экономической деятельности в Узбекистане с обобщёнными международными оценками профессиональной уязвимости к автоматизации, используемыми МОТ [2, 3], и носит оценочный (иллюстративный), а не директивный характер.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Использование ИИ-инструментов по секторам

По итогам опроса 186 женщин-предпринимательниц установлено, что в среднем 58,1% респонденток уже используют хотя бы один инструмент на основе ИИ в текущей деятельности, при этом уровень использования существенно различается по секторам (табл. 1).

Таблица 1. Использование ИИ-инструментов среди опрошенных женщин-предпринимательниц по секторам деятельности (n = 186)

Сектор деятельности	Число респ.	Доля использующих ИИ, %	Наиболее распространённая категория инструментов
Торговля	52	61,5	Чат-боты, таргетированная реклама
Услуги	41	68,3	Генерация контента, автоматизация записи клиентов
Лёгкая промышленность / текстиль	38	39,5	Учёт и планирование, дизайн изделий
Сельское хозяйство и переработка	29	27,6	Прогнозирование спроса, логистика

Сектор деятельности	Число респ.	Доля использующих ИИ, %	Наиболее распространённая категория инструментов
IT и цифровые услуги	26	88,5	Широкий спектр (разработка, аналитика, маркетинг)

Источник: составлено автором по результатам собственного опроса, 2026 г.

Наиболее высокий уровень внедрения ИИ зафиксирован в секторе IT и цифровых услуг (88,5%) и сфере услуг (68,3%), наименьший - в сельском хозяйстве и переработке (27,6%), что в целом согласуется с общемировой тенденцией более медленного проникновения цифровых технологий в аграрный сектор. Обращает на себя внимание умеренный уровень использования ИИ в лёгкой промышленности и текстильном производстве (39,5%) - секторе с исторически высокой долей женской занятости в Узбекистане, включая надомное производство.

Соотношение риска автоматизации и цифровой поддержки по видам деятельности

Сопоставление структуры женской занятости с оценочным уровнем риска автоматизации показывает выраженную асимметрию: виды деятельности с наибольшей долей женской занятости одновременно демонстрируют и более высокий оценочный риск автоматизации, и более низкий текущий охват программами цифровой поддержки (табл. 2).

Таблица 2. Оценочное соотношение доли женской занятости, риска автоматизации и охвата цифровой поддержкой по видам деятельности

Вид деятельности	Доля женщин в занятости, % *	Оценочный риск автоматизации, % **	Охват программами цифровой поддержки
Розничная торговля	58	42	Средний
Лёгкая / текстильная промышленность	64	38	Низкий
Административный и офисный персонал	61	47	Низкий
Услуги (HoReCa, бытовые услуги)	55	29	Средний
Сельское хозяйство и переработка	47	18	Низкий
IT и цифровые услуги	24	9	Высокий

* Оценка на основе данных Национального комитета Республики Узбекистан по статистике и результатов опроса. ** Оценка выполнена по аналогии с методикой МОТ

[2, 3], носит иллюстративный характер и не является официальным статистическим показателем.

Как следует из данных таблицы 2, секторы с наибольшей долей женской занятости (лёгкая промышленность - 64%, административный персонал - 61%, розничная торговля - 58%) относятся одновременно к зоне повышенного оценочного риска автоматизации (38- 47%) и низкого или среднего охвата государственными программами цифровой поддержки. Напротив, сектор IT и цифровых услуг, где риск автоматизации минимален, а охват поддержкой максимален, характеризуется наименьшей долей женской занятости (24%). Данная асимметрия эмпирически подтверждает гипотезу H3.

Барьеры внедрения ИИ

Анализ ответов респонденток о барьерах внедрения ИИ-инструментов позволил проранжировать их по частоте упоминания (табл. 3).

Таблица 3. Барьеры внедрения ИИ-инструментов в женском предпринимательстве (ранжирование по доле упоминаний, %)

Барьер	Доля упоминаний, %
Недостаток цифровых навыков и знаний	74
Ограниченный доступ к финансированию технологического обновления	58
Языковой барьер (интерфейсы преимущественно на английском языке)	46
Совмещение бизнеса с семейными обязанностями, дефицит времени	41
Недоверие к технологии, опасения по защите данных	33
Отсутствие примеров успешного применения в своей отрасли	29

Источник: составлено автором по результатам собственного опроса, 2026 г. (респондентки могли указывать несколько вариантов).

Ведущим барьером выступает дефицит цифровых навыков (74% респонденток), что подтверждает гипотезу H2 о преимущественно структурном, а не исключительно ценовом характере ограничений. Показательно, что финансовые ограничения (58%) уступают по значимости навыковому барьеру, но остаются существенным фактором, особенно для предпринимательниц лёгкой промышленности и сельского хозяйства, где технологическое обновление требует более капиталоёмких решений.

Связь между использованием ИИ и ростом выручки

Расчёт коэффициента корреляции Пирсона между сводным индексом использования ИИ и темпом роста выручки предприятия за последние 12 месяцев выявил умеренную положительную и статистически значимую связь ($r = 0,42$; $p < 0,01$;

n = 186). Наиболее выраженная связь зафиксирована в секторах услуг и торговли, где ИИ-инструменты применялись преимущественно для маркетинга и взаимодействия с клиентами; наиболее слабая - в сельском хозяйстве, что согласуется с более низким исходным уровнем цифровизации отрасли. Данные интервью качественно дополняют этот результат: предпринимательницы, интегрировавшие ИИ-инструменты в продвижение товаров и услуг в социальных сетях, отмечали сокращение времени на подготовку рекламных материалов и расширение географии продаж за счёт выхода на онлайн-каналы, в то время как предпринимательницы, не использующие ИИ, чаще связывали свою сдержанность с отсутствием понятных обучающих материалов на узбекском и русском языках.

ОБСУЖДЕНИЕ.

Полученные результаты в целом согласуются с зафиксированной в международной литературе двойственностью влияния ИИ на женскую занятость: с одной стороны - повышенный риск автоматизации в секторах с высокой долей женского труда [2, 3, 11], с другой - потенциал ИИ как инструмента расширения предпринимательских возможностей, прежде всего в сфере маркетинга, электронной коммерции и клиентского сервиса. Применительно к Узбекистану это означает, что эффект ИИ для женской занятости не может быть охарактеризован однозначно как угроза или как возможность - его направленность определяется тем, выступает ли женщина наёмным работником в секторе с высоким риском автоматизации (розничная торговля, административный персонал, лёгкая промышленность) либо предпринимательницей, способной использовать ИИ-инструменты для роста собственного бизнеса.

Установленная в настоящем исследовании асимметрия между долей женской занятости, риском автоматизации и охватом цифровой поддержкой (раздел 3.2) указывает на структурный разрыв в государственной политике: секторы, наиболее уязвимые для автоматизации, одновременно оказываются наименее охваченными программами цифровой переподготовки. С учётом того, что в 2026 году государством запланировано обучение 166 тысяч женщин современным профессиям и предпринимательству и 100 тысяч - цифровым специальностям [6], представляется целесообразным приоритетно ориентировать эти программы именно на секторы повышенного риска - лёгкую промышленность, розничную торговлю и административно-канцелярскую работу, - а не только на сектор IT, где охват цифровой поддержкой уже сравнительно высок.

Полученная статистически значимая связь между использованием ИИ и ростом выручки (r = 0,42) сопоставима по направленности с результатами зарубежных исследований, фиксирующих положительный вклад цифровых инструментов в производительность малого и среднего бизнеса, однако требует осторожной интерпретации: корреляционный характер связи не позволяет делать однозначные причинно-следственные выводы, поскольку более успешные предприятия могут обладать большими ресурсами для внедрения новых технологий вне зависимости от самого факта использования ИИ (обратная причинность). Кроме того, ведущая роль навыкового барьера (74%) над финансовым (58%) резонирует с выводами

гарвардского исследования о социально-психологической, а не сугубо технической природе сдержанности женщин в использовании ИИ [10]: помимо обучения техническим навыкам работы с инструментами, программы поддержки должны включать компонент повышения уверенности и снижения опасений, связанных с профессиональной репутацией.

Практическая значимость результатов состоит в возможности их использования при донастройке государственных программ поддержки женского предпринимательства и институтов профессионального образования. В частности, представляется обоснованным:

1) включить модули цифровой и ИИ-грамотности, адаптированные на узбекском и русском языках, в программы обучения в рамках инициативы «Даромадли аёл» и смежных программ;

2) предусмотреть льготные механизмы микрофинансирования технологического обновления для предпринимательниц секторов повышенного автоматизационного риска;

3) развивать региональные центры цифровой поддержки за пределами г. Ташкента с учётом выявленной региональной неравномерности;

4) включить в образовательные программы вузов (в том числе дисциплины по маркетингу, электронному бизнесу и организационному поведению) кейсы практического применения ИИ женщинами-предпринимательницами Узбекистана.

Ограничения исследования связаны с нецелевым характером выборки (метод неслучайного отбора при содействии бизнес-ассоциаций), что ограничивает возможность прямой экстраполяции результатов на всю генеральную совокупность женщин-предпринимательниц страны; кросс-секционным дизайном, не позволяющим делать выводы о динамике причинно-следственных связей во времени; а также самоотчётным характером данных об использовании ИИ и динамике выручки. Направления дальнейших исследований включают проведение панельного исследования с вероятностной выборкой, охватывающего все регионы страны, а также количественную оценку эффекта конкретных типов ИИ-инструментов (генеративный контент, автоматизация учёта, прогнозная аналитика) на отдельные показатели эффективности бизнеса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Проведённое исследование подтверждает двойственный характер влияния искусственного интеллекта на женскую занятость в Узбекистане. С одной стороны, секторы с традиционно высокой долей женского труда - розничная торговля, лёгкая промышленность, административный персонал - характеризуются повышенным оценочным риском автоматизации и при этом наименьшим охватом программами цифровой поддержки, что подтверждает гипотезу H3. С другой стороны, эмпирически установлена статистически значимая положительная связь между использованием ИИ-инструментов и темпами роста выручки женских микро- и малых предприятий ($r= 0,42$; $p< 0,01$), что подтверждает гипотезу H1 и свидетельствует о значительном предпринимательском потенциале ИИ-технологий при условии их адаптации к нуждам женщин-предпринимательниц. Ключевым барьером внедрения ИИ выступает

не столько стоимость технологий, сколько дефицит цифровых навыков и социально-психологические факторы, что подтверждает гипотезу H2.

Результаты исследования позволяют сформулировать вывод о необходимости координации двух направлений государственной политики Узбекистана - стратегии цифровизации и развития ИИ («Узбекистан - 2030») и программ поддержки женской занятости и предпринимательства («Даромадли аёл» и иные инициативы), с приоритетной ориентацией мер цифровой поддержки на секторы повышенного автоматизационного риска. Дальнейшее развитие данной исследовательской темы связано с расширением географии и объёма выборки, а также с углублённым анализом эффективности отдельных типов ИИ-инструментов для различных категорий женского предпринимательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стратегия «Узбекистан - 2030»: раздел о развитии искусственного интеллекта и цифровизации экономики. Ташкент, 2026.
2. Указ Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по поддержке женского предпринимательства». Ташкент, 2025.
3. О мерах по обеспечению занятости и доходов женщин в 2026 году, включая программу «Даромадли аёл»: выступление Президента Республики Узбекистан на торжественной церемонии, посвящённой Международному женскому дню. Ташкент, март 2026.
4. Bloomberg. AI and the future of white-collar work: report. April 2025.
5. International Labour Organization (ILO). Generative AI and jobs: a gender-sensitive analysis of employment automation risk (updated analysis). Geneva: ILO, 2025-2026.
6. United Nations / ILO joint estimates on gender-differentiated exposure of occupations to generative artificial intelligence, 2025.
7. World Economic Forum. Global Gender Gap Report 2025. Geneva: WEF, 2025.
8. Международные подходы к оценке влияния искусственного интеллекта на экономику и их адаптация к условиям Республики Узбекистан // Journal of International Scientific Research. 2025–2026.
9. Отраслевые тенденции внедрения искусственного интеллекта в Республике Узбекистан // Journal of Advanced Research and Stability. 2026.
10. Абдураимова Н.Р. Цифровая трансформация и рынок труда Узбекистана: вызовы и возможности // Вестник ТИМЭ. 2025. № 4.
11. Рахимова Д. Заработная плата в Узбекистане: динамика и гендерные аспекты, 2021–2025 гг. // Международный научный журнал. 2025. № 32 (100), ч. 1.
12. Harvard University. Global evidence on gender inequality and generative AI: research report. 2025.
13. International Labour Organization; National Research Institute (Poland). Joint study on gender-differentiated job displacement due to generative AI in high-income countries. 2025.
14. Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. Демографический ежегодник: население, занятость и рынок труда. Ташкент, 2026.

15. Acemoglu D., Restrepo P. Tasks, Automation, and the Rise in U.S. Wage Inequality // Econometrica. 2022. Vol. 90, No. 5. P. 1973-2016.
16. Autor D. Why Are There Still So Many Jobs? The History and Future of Workplace Automation // Journal of Economic Perspectives. 2015. Vol. 29, No. 3. P. 3–30.
17. International Labour Organization. Women in Business and Management: The Business Case for Change. Geneva: ILO, 2023.
18. McKinsey Global Institute. Generative AI and the Future of Work in Europe:
19. World Bank. Gender Equality and Uzbekistan's Labor Market: Policy Note. Washington, D.C.: World Bank, 2024–2025.
20. Delegation of the European Union to Uzbekistan. Women's Startups as a Path to Economic Independence: overview note. Tashkent, 2019 (с последующими обновлениями).